

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Ленты, снятые режиссером, народным артистом СССР Владимиром Ростиславичем Гардиным (1877—1965) — «Анна Каренина» (1914 год), «Дворянское гнездо» (1915 год), «Война и мир» (совместно с Я. А. Протазановым, 1915 год), «Крест и маузер» (1925 год), «Поэт и царь» (1927 год), — это отечественная киноклассика. Гардин работал в кино более полувека. Он, между прочим, создал и единственный сохранившийся донине дореволюционный художественный фильм о жизни и быте башкир. То была экранизация рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно».

В 1915 году Гардин стал художественным руководителем кинофирмы Венгерова. Бульварщике и пошлости, царившим тогда на киноэкране, он стремился противопоставить всемерную популяризацию русской литературной классики, привлекал к постановкам лучшие театральные силы Москвы. Затем Гардина призвали в действующую армию, и он, вплоть до Февральской революции, вообще отошел от кино.

Летом 1915 года Гардин снимал «Прибаловские миллионы», экранизируя роман Мамина-Сибиряка. В ходе работы над постановкой он, одним из первых русских кинематографистов, широко практиковал натурные съемки. Для этого выезжал со съемочной группой в Екатеринбург (ныне Свердловск), на место действия романа. Отсняв там видовые эпизоды, режиссер возвращался вместе с группой в Москву. Гардин так вспоминал об этом: «Потом я попутно и совершенно неожиданно для окружающих (да и для себя!) снял еще один фильм. Мысль о съемке толстовского рассказа возникла у меня перед самым отъездом, когда я узнал, что поезд проходит мимо башкирских посел-

ков. Сценарий пришлось набрасывать в вагоне, и от него нельзя было отказываться. Упустишь момент — и прозевал!».

Итак, съемочная группа Гардина сошла с поезда на ближайшей станции и стала ждать утра. План работы был несложен. «Кашевский (известный киноактер того времени, участник съемочной группы. — Р. Я.), загримированный и одетый в крестьянскую одежду, будет приветствовать башкир, мы его снимем, а потом соорудим что-нибудь групповое, вечером снимем пробеги и постараемся закончить все в два дня». Утром кинематографисты двинулись в ближайшую башкирскую деревню. По пути выяснилось, что это день праздничный и все жители находятся в мечети. Решили разместить съемочную аппаратуру недалеко от мечети. «Расчет был верен, — вспоминал режиссер. — Конечно, все из любопытства двинулись к нам, и массовка получилась лучше, чем после десятка репетиций. Уговорить башкир на съемку второй сцены оказалось нетрудно. Переводчиком был наш возница. Все гурьбой направились к стоявшей у въезда в деревню кибитке, которую мы быстро «загримировали» для действия. Мулла должен был изображать старшину. Он что-то лопотал, поглядывая на Пахома (которого играл актер Кашевский), а это и было самое нужное».

Никакой режиссуры и методики массовых сцен тогда еще не существовало, и постановщик действовал по принципу «как получится». Его руководство, расторопность оператора, а главное, находчивость участников съемочной группы — вот и все «секреты» съемок. Эпизоды были сняты при комических ситуациях, участникам киноэкспедиции приходилось прибегать к ухищрениям, чтобы отснять нужные кадры.

Мулла, изображавший старшину, должен был по ходу действия улыбнуться.

Неделя, 1984, окт., № 43

ЧЕЛОВЕКА С КИНОАППАРАТОМ

Но он никак не хотел этого делать. Все перепробовали, чтобы его рассмешить, — тщетно. Пленка уже была на исходе, а нужный кадр никак не давался. Один из съемочной группы пустился плясать вприсядку, споткнулся и упал. Тут-то мулла наконец улыбнулся. Есть кадр!

Еще эпизод. Герой фильма, крестьянин Пахом, покупающий у башкир землю, должен до заката солнца обежать свои будущие владения и вернуться на холм, на котором его ждут башкиры. Но жадность погубила героя толстовского рассказа. Обход будущих владений оказался для него непосильным, он надорвался. Едва взбежав на холм к назначенному часу, он замертво упал к ногам ожидающих его башкир. Финальная сцена: башкиры окружают тело Пахома, а старшина обращает взор к небу.

«Пристаю к мулле, чтобы посмотрел вверх, — вспоминал Гардин. — А он сидит, смотрит на мертвого Пахома и не желает поднимать глаза. Я попросил ассистента как-нибудь привлечь его внимание. Тот влез на плечи нашему вознице и стал хлопать в ладони над аппаратом, потом заорал диким голосом. Мулла, конечно, взглянул на него — и съемка закончилась. Остальные эпизоды фильма можно было доснять в кинопавильоне.

Члены киноэкспедиции собрались в своем походном лагере, чтобы утром сесть на поезд, идущий в Москву. Но на этом приключения не кончились, рано утром их разбудил возница: «Едем скорее на станцию! Вся деревня на нас идет! Мулла оскорбил! Бить вас будут! Отнимать вашу вертушку!»

Дело принимало скверный оборот. Участники съемочной группы быстро сло-

жились и заспешили на станцию. Погоня была уже близко: за группой гнались жители деревни, возглавляемые двумя всадниками.

«К нам подскакали два конных и, размахисто жестикулируя, стали что-то кричать, потрясали в воздухе нагайками. Пэра наших резвых лошадей взяла с места в карьер, и мы благополучно ретировались, сопровождаемые криками. Хорошо еще, что всадников было только двое... На станции нам растолковали, что мулле во время молитвы над умершими нельзя поднимать глаза вверх и что верующим, тем более мулле, зазорно участвовать в киносъемках. Пожалели мы обманутого нами муллу и породовались, что материал все же снят».

Фильм «Много ли человеку земли нужно» — короткометражная лента, всего 900 метров — вышел на экраны. Работа над ним стала в те времена примером оперативного и удачного проведения съемок. Гардинский опыт применялся в 1920—1930-е годы советскими кинематографистами. При выездах на натурные съемки одновременно снималось два фильма: один основной, художественно-игровой, другой хроникально-документальный — о местном крае и его достопримечательностях.

Счастливая судьба у этого фильма, потому что он — один из более чем двухсот фильмов русского дореволюционного кино, сохранившихся до наших дней в архиве Госфильмофонда в Москве. А всего их было снято более двух тысяч!

Роман ЯНГИРОВ.

УФА.

Фото А. Рикельмана.